

Анжела Бецко

Кормушка для счастья

«Тили-тили-тесто...»

— Ребята, играем в «почту», — объявила на прогулке воспитательница Вера Петровна. — Те, кто не играет в «почту», играют в «ручечёк».

— Кто сегодня почтальон? — спросил Женька Огурцов.

— Чур, не я! — закричала Вероника.

— И не я, — сказал Юра Гарин.

— Не я! — подхватили хором Инка Лемеш, Глеков и девочка.

Пиня немного замешкался с ответом. Поэтому почтальоном был он. В самом углу игровой площадки, у сетчатого забора, рос раскидистый куст розовато-лиловой сирени. И по его нижним оголённым веткам было понятно, что письма пишут часто и помногу. Каждый срывал листок, на котором веточкой или палочкой выводил заветное слово или тайный знак. После письмо передавалось почтальону. В девочкином письме было маленькое солнце. Потому что большого листок вместить не мог. Рядом с солнцем стояла буква «В» и точка.

— Веронике, — протянула девочка письмо Пине.

Он молча положил его в ладошку и направился к ребятам за другими письмами. А девочка побежала играть в «ручечёк».

— Ручей, ручей, ручечёк! Здравствуй, миленький дружок. Можно с вами поиграть? — спросила девочка.

— Ты скорее забегай и друзей здесь выбирай! — хором ответили дети.

Девочкина лучшая подружка Ленка Горелик стояла в конце «ручейка» в паре со Светкой Саевич. И девочка пошла по длинному коридору из сцепленных рук за своей Ленкой. Она взяла Ленку за руку и хотела повести за собой, но Светка так вцепилась в Ленку, что та не сдвинулась с места.

— Водящий выбирает себе пару! Ручечёк течёт быстро! — раздался голос Веры Петровны.

Девочка и сама это знала, но Светка её Ленку не отпускала. Девочка сильнее потянула Ленку за руку. Светка дёрнула Ленку на себя. Тогда девочка потащила Ленку в свою сторону, но Светка рванула Ленку с такой силой, что все троём вдрут оказались на земле.

— Девочки! — всплеснула руками подбежавшая Вера Петровна. — Да что ж вы Лену не поделите?!

Вера Петровна была права: свою Ленку девочка не собиралась делить ни с кем. Особенно с Саевич! Ребята зашумели и разбежались по игровой площадке. Девочка поднялась и помогла встать Ленке. Нарядное Ленкино платье, белые гольфы и лаковые туфельки были испачканы, а бедная Ленка чуть не плакала. Девочкино платье тоже было в грязи, но она и не думала расстраиваться! А Светка Саевич уже болталась на качелях с Юрой Гариным.

— Гадкая Саевка! — подбежала к ней Вероника и высунула язык. — Ы-ы-ы! Воображуля высший сорт! Куда едешь? На курорт. На курорте пусто. Выросла капуста!

Светка в долгу не осталась: она показала язык Веронике, девочке и Ленке. Девочка с Ленкой теперь сидели на скамейке. На длинных Ленкиных ресницах блестели слёзы.

— Девочки, представляете, какая Саевка фантазёрка! — шептала им Вероника. — Когда она приезжает на море, воображает себя морской принцессой, которую отец Нептун на время отпустил на землю. И вот плывёт наша морская принцесса Саевка и кричит: «Эй, маляк на калабле, клабов ловишь или лыбу?»

И девочки тоненько захихикали. Со звуком «рр» Светка и правда была не в ладах.

— А Инка Лемеш ходила к Саевке в гости, — продолжала Вероника, — и Саевка ей рассказывала, что живёт в королевстве и будто она вся такая раскрасавица-невеста, сидит у окошка на башне и ждёт принца, он к ней едет, но ещё никак не доехал. А на прикроватном столике у неё колокольчик. Инка спрашивает: «Зачем?» А Саевка: «Слуг звать!» Вот умора!..

И девочки снова прыснули со смеху. Худосочная, со спичечными ножками и двумя мышинными хвостиками, схваченными капроновой оранжевой лентой, Светка Саевич не тянула ни на морскую принцессу, ни на раскрасавицу-королевицну из сказочного замка. Она была обыкновенной вообразулей и кривлякой.

— Тебе письмо! — подошёл к девочке Пиня и протянул листок сирени.

— Мне? — удивилась девочка.

Она уже забыла про игру в «почту» и совсем не ждала писем.

— От кого?..

— От Гагарина, — деловито буркнул Пиня и побежал по другим адресам.

На листке было нарисовано сердце. Девочка с Ленкой переглянулись и не поверили своим глазам. Сердце всегда означало одно: любовь до гроба... Юрка всё ещё качался со Светкой на качелях, робко поглядывая в девочкину сторону. Он был тем мальчиком, о котором тайно вздыхают девочки, но причина вздохов для них остаётся загадкой. Конечно, Юрка был смел и решителен, хорош собой и выше всех на целую голову. И улыбался как Юрий Гагарин! За его улыбку и фамилию, созвучную с фамилией первого космонавта, его называли Гагариным. Или просто космонавтом.

— Дети, строимся парами и идём в группу обедать, — объявила Вера Петровна.

После обеда был тихий час. Но девочка не спала, а думала про Юру. Она больше не могла ни о ком думать! И когда на вечерней прогулке Юра позвал её в железную ракету и два раза поцеловал в щёку, она думала не про космос, а про Юру. Потом, держась за руки, они гуляли по песчаным дорожкам детского сада, и солнце грело макушки, и дети вокруг дружно кричали:

Тили-тили-тесто,
Жених и невеста!
По полу катались,
Крепко целовались.
Тесто упало —
Невеста пропала!..

Только Светка Саевич ничего не кричала, а сидела на пустой скамейке и коричневыми сандалиями взрывала сухой песок. Потом пришла девочка мама и забрала девочку домой.

Дома у девочки пять дочек: Алёна, Люда, Катя, Нинель и Мариночка. Алёна глядит холодно и гордо. Её милovidному личику с прелестным носиком, розовыми губками и голубыми глазами совсем не идёт важность и напыщенная холодность. На Алёне всегда белые носочки, белые башмачки на шнуровке и небесно-голубое платье с круглым белым воротничком. Только в ней и живого, что на платье манящая пуговка со стекляннм глазком. Люда под стать сестре: неприступная голубоглазая красавица с синей шёлковой лентой в белых длинных волосах. Они сидят на серванте в гостиной. Этих дочек брать на руки нельзя, потому что гости должны видеть, что в доме есть дорогие гэдэровские куклы. Но у девочки есть другие дочери — настоящие и родные. Одноглазая неходячая Нинель, миленькая Катя и маленькая Мариночка. Больше всех

девочка любит младшую и назвала её в память о двоюродной сестрёнке, умершей в годовалом возрасте после прививки. Девочкин медведь Миша, конечно, согласен быть для них папой, но он так ленив и неповоротлив, что за вечер и лапой не пошевелит... .

Ночью девочка плохо спала. Она металась по кровати и что-то бессвязно бормотала. Но когда утром вместе с мамой она направилась в детский сад, шаг её был прямым и твёрдым, как и решение. После завтрака на прогулке играли в «магазин»: за листочки сирени продавали песочные куличики. Юра купил у девочки куличик и бережно держал его в ладони, а когда она шепнула ему на ухо:

— Я согласна на тебе жениться! — куличик упал и рассыпался.

Тогда девочка слепила другой, и он вышел лучше прежнего, и отдала его Юре без всякой платы, за просто так. А к вечеру они играли в «ручсёк», и Юра каждый раз выбирал девочку, а девочка — Юру. И девочка счастливая улыбка сделала своё дело: Юра окончательно размяк и согласился на свадьбу. Тайно. В ракете. Завтра! Дома весь вечер девочка плела из цветной проволоки два колечка. А утром попросила маму позволить надеть ей самое лучшее платье и приколоть мамин красивый цветок. Мама, конечно, удивилась, по какому случаю торжественный выход, а девочка ответила, что сегодня день рождения её любимого Пушкина. И это было чистой правдой!

Мальчики в группе проглядели на девочку глаза, Светка Саевич, завистливо косясь, делала вид, что ничего не замечает, Инка, Вероника и Ленка Горелик радовались вместе с девочкой, а Юра был сам не свой.

— Ребята, играем в прятки, — на утренней прогулке объявила Вера Петровна. — Кто не хочет в прятки, играет в «съедобное-несъедобное».

— Кто водит? — спросил Юра.

— Я! — неожиданно для себя выкрикнула девочка.

Она встала лицом к стене и начала громко считать:

Я считаю до пяти,
Не могу до десяти:
Раз, два, три, четыре, пять —
Я уже иду искать!
Кто не спрятался, я не виновата!

И девочка пошла искать. За кустом сирени она нашла Глекова, за высоким крыльцом у лестницы прятался Пиня, за кирпичным навесом стояли Вероника и Ленка Горелик, Женька Огурцов лежал за бортиком песочницы, а Инка спрятаться не успела и, болтая ногами, сидела на скамейке.

— Ещё космонавта нет, — сказал Женька Огурцов.

— И Саевки, — добавила Вероника.

Девочка снова огляделась вокруг и на всякий случай решила посмотреть в железной ракете.

— Топор, топор, сиди, как вор, и не выглядывай во двор. Пила идёт — тебя найдёт! — запищал Пиня своим комариным голоском.

Юра и Светка Саевич сидели в железной ракете на короткой перекладине, и Светка целовала Юру в щёку. Светкину голову украшала фата. И Светка была невестой...

— Тили-тили-тесто, жених и невеста! По полу катались, крепко целовались! — у самого девочкиного уха завопил Глеков.

И ребята помчались к ракете глядеть на новых жениха и невесту.

Вечером из детского сада девочку забирал папа. И всю дорогу домой они молчали. С папой всегда хорошо молчать. И каждый молчал о своём. О чём молчал папа, девочка не знала. А девочка теребила в кармане тюлевую накидку на подушку, которую тайком взяла из дома утром, и молчала о том, что в детский сад она больше ни ногой, потому что давно выросла и ей пора в школу.

Но самое обидное, что у Саевки была такая же фата, как у девочки. Будто их мамы купили эти белые гэдээровские накидки в одном магазине.

Кормушка для счастья

Счастье — птичка такая. Махонькая, юркая, пугливая. Бывает, изловчишься, схватишь её за хвост, а птица не ящерка, хвоста не отбрасывает — вот и попалась, голубушка! Сунешь её за пазуху и ходишь, светишься. Кормишь зерном, хлебными крошками, водицей поишь, говоришь с ней ласково, песни вместе поёте. Но песен её лучше не записывать: незатейливые они, простоватые, — и выглядишь ты чудиком, ведь никто не знает, что песни эти тебе дивная птица пропела. А в один из дней она — фыр-р-р! — и улетит. Но не печалься. Много дней на свете, и если все они будут в радугах, ослепнешь, и радуга станет никчёмной. Другим людям птичка эта не меньше твоего нужна. Она вернётся. Когда и ждать перестанешь. Сядет на окошко и станет стучать клювиком: тук-тук! что нос повесила?.. впусти уже, что ли! давно у тебя не была... А ты от радостной растерянности уткнёшься лицом в стекло, и нос у тебя смешно расплющится. За окном — зима, но в твоей душе зимы не бывает. А чтобы птичка зимой не погибла, девочка её подкармливает. Нельзя угадать, в какой птице живёт твоё счастье, и девочка кормит всех птиц без разбора. У птиц ангеловы души, потому что столько радости и неба может вместить только душа ангела.

Зёрна и крошки можно высыпать и на снег, но это всё равно что выбросить. И совсем другое дело — смастерить, пусть и нехитрую, кормушку

и повесить её на дереве. В холодильнике всегда найдётся парочка бело-красно-синих пирамидок. В такой картонный пакет вмещается пол-литра вкусного молока, и стоит он шестнадцать копеек, наверное, потому, что из пятнадцати пакетов покупаешь шестнадцатый, а все перебранные пятнадцать — текут. Бегать в магазин за молоком — простая девочкина работа, и, глядя на то, как в центре торгового зала в огромной белой луже тонут пустые шестиугольные алюминиевые поддоны, девочка понимает, что это те самые молочные реки с кисельными берегами, только не сказочные, а настоящие. Когда, открывая, срезаешь верхний край молочной пирамидки, молоко выплёскивается, но, будто тебе в награду, срезанный уголок заклеен сладкими жёлтыми сливками, и ты не успеваешь и глазом моргнуть, как твой язык уже с ними расправился.

Пустой молочный пакет — почти готовая кормушка для счастья. Пакет надо промыть и просушить и с каждой стороны вырезать по окошку. А если одна из стенок кормушки будет глухой, то осторожное счастье не осмелится в неё залезть, и все твои ожидания окажутся напрасными. Боковые бортики пусть будут узкими, а нижний — пошире, иначе крошки выметет ветер. Под окошком можно сделать отверстие и вставить туда тонкую веточку или палочку от мороженого. Это жёрдочка для счастья. На неё оно сядет и станет клевать зёрна. Осталось прорезать дырочку вверху кормушки и продеть в неё шнурок или крепкую нитку, а лучше — проволоку: тогда кормушка будет закреплена прочней. Даже большим кораблям опасен шторм, а что уж говорить про хрупкое счастье.

Теперь нужно свернуть из бумаги кулёчек и насыпать в него гостинцев. Не всякая пицца годится для счастья, а пряная, острая, солёная и жареная даже опасна. Чёрный хлеб лучше не предлагать, а белому — счастье всегда радо. Неприхотливое, оно любит простые угощения: просо, овсянку, кукурузную и пшеничную крупы, ягоды рябины, сырые семечки подсолнечника, орешки и даже свежее сало.

Теперь остаётся одеться, спуститься с четвёртого этажа на второй и радостно вонзиться в кнопку дверного звонка квартиры с номером «20». Дотянуться до кнопки девочка не может: руки заняты гостинцами и кормушками, — и она дёргается за ручку. В ту же секунду дверь распахивается: вот он, девочкин медвежонок Сашка — косолапый, толстый и коричневый! Когда Сашка снимает свою коротенькую цигейковую шубку с металлическими пуговицами со звездой и шапку, сверху перетянутую бельевой резинкой, коричневым он быть перестаёт, но медвежонок по-прежнему остаётся. Родители у Сашки старенькие, а он у них единственный, и, наверное, поэтому они:

Тащат валенки ему,
Меховые рукавицы,
Чтобы мог он руки греть,
Чтоб не мог он простудиться
И от гриппа умереть...
Он растёт, боясь мороза,
У папы с мамой на виду,
Как растение мимоза
В ботаническом саду...

Нет, это не про Сашку! Про Сашку надо так:

И живёт он в новом доме,
И готов он ко всему:
И к тому, чтоб стать пилотом,
Быть отважным моряком,
Чтоб лежать за пулемётом,
Управлять грузовиком!..

Не знают Сашкины мама с папой одной маленькой его тайны: их смешной медвежонок Сашка — настоящий мужчина, и на улице он срывает с себя противную шапку и варежки на резинке, ест снег, сосёт сосульки и валяется в сугробах и поэтому болеет ангиной, а на днях на спор на морозе он лизнул металлический столб, а потом Сашкин язык и Сашкину маму отливали водой...

Сашка берёт у девочки кормушки, и оба они выходят во двор. Их берёза растёт у подъезда. Она молоденькая (девочка с Сашкой совсем недавно переехали в свой новый дом, и все деревья посадили новосёлы), но уже успела дотянуться до Сашкиного второго этажа. Сначала надо повесить кормушку для девочкиного счастья, потом — для Сашкиного. Им с Сашкой вполне бы хватило одного на двоих, но своё собственное и родное иметь надёжней. Сашка, как всегда, но против подставить спину чужому счастью, но не может же девочка так беззастенчиво пользоваться Сашкиной спиной. И в знак благодарности девочка всегда делает кормушку и для Сашкиного счастья и — вместо одного — два раза взбирается Сашке на спину. Готово! Яркие треугольнички висят на берёзе, как игрушки на новогодней ёлке. Осталось высыпать из кулёчков угощение и изо всех сил бежать к Сашке, чтобы, приклеившись к его кухонному окну, затаиться и наблюдать жизнь своего счастья.

Сначала — тишина, потом — глядь! — прилетела первая синичка. Села на шесток, головой повертела — и была такова! Девочка с Сашкой только переглядываются: почему она клевать не стала? Не голодна, или с гостинцами не угодили? А через пяток минут возвращается синичка-разведчица, да не одна, а с подружками. Рассыпались они жёлтыми комочками по веткам, будто солнечные лучики в пасмурный день, сидят, человечьи души греют. Неласково зимнее стылое солнце — вот и летят они к людям вместе зимовать: сытому мороз

не страшен! Села одна на перекладинку, схватила семечко — и порх на берёзку, сидит на ветке, очереди своей дожидается. Тут другая с берёзки слетела, клонула зёрен — и фыр-р-р снова на берёзку. А вот и третья, и четвёртая, и пятая — и закружилась карусель! Вежливые и воспитанные эти лесные птички-невелички, и всё-то у них складно да ладно, чего не скажешь о воробьях.

Воробьи — те ещё прохвосты да нахалы: культуру не обучены и с совестью не дружат. Кто первый в драке, тот и прав. Синичек распугают и друг с дружкой договориться не могут: за малое зёрнышко передерутся, хотя и зёрен в достатке. Но дело тут не в зёрнах, а в характере. Таких «воробьёв» и среди людей хватает. Вот и любит девочка синичек. И кто же их в лесу воспитывает?... А ещё надо смотреть, чтобы наглые галки да сороки малых птах не обижали: синичек и воробьёв они гоняют, а мелким пташкам зимой с пропитанием трудней. Ну а когда вдруг важный и гордый снегирь пожалует — на всю неделю радости! И тут же в альбом его на страницу белую — акварельного красногрудого со снежной кистью рябиновой! Сидишь, рисуешь, а в окошко твоё: тук-тук! Это счастье тебе спасибо говорит. Сегодня оно уж больно на синичку похоже: брюшко жёлтое, с чёрным галстучком, щёчки снежно-белые, а голова чёрная. Спинкой повернётся — зеленоватым отливает. Чёрный клюв на семечко подсолнечника похож, аккуратный длинный хвост и серо-голубые крылья с поперечными светлыми полосками. Яркое оно, счастье твоё, красивое, шустрое. А ты от радостной растерянности уткнёшься лицом в стекло, и нос у тебя смешно расплющится.

«Я иду по ковру...»

— Сиротушка! — охают соседки на лавочках.

— Сердешная! — шелестит ветер озябшей листвою.

— Бедняжечка! — стучат дождевые капли по стеклу.

Все-все на свете знают, как плохо жить без мамы, и только она одна об этом даже не догадывается, потому что не возвращается... не возвращается... не возвращается...

«Я иду по ковру... Я иду по ковру...» — заевшей пластинкой крутится у девочки в голове, и каждый новый оборот только усиливает девочкину зелёную тоску. Тоска и в самом деле зелёная. Она сидит рядом и дырявит девочку своими жабыми глазами. Девочка не выдерживает и соскакивает с кровати на пол.

Я иду по ковру...

Я иду по ковру...

Я иду по ковру...

Пока мама в отъезде, можно ходить без тапок по полу и в тапках — по ковру. Но что-то не очень

хочется. А верней, не хочется совсем. И девочка бродит по своей тёмной комнате в ожидании папы, а его срочные вечерние дела никак не кончаются. Он обещал почитать на ночь самую маленькую и грустную сказку — про Колобка. И даже если знаешь её наизусть, папина сказка на ночь ещё никому не мешала.

Колобок, Колобок, сядь ко мне на язычок
да пропой в последний разок...

Я иду по ковру...

Я иду по ковру...

Папа так долго бреется, что, кажется, его электробритва никогда не замолчит. Она жужжит, как девочкин шмель, когда она его ещё не поймала, но глаз положила. А в спичечном коробке не очень-то пожужишь: в плену не до песен!.. Девочка уже пять раз рассказала себе сказку про Колобка, а бритва не унимается. И нельзя попросить папу её выключить: он рассердится и отругает. Надо сделать так, чтобы бритва выключилась будто бы сама. Тогда папа удивится, медленно и аккуратно сложит бритву в чехол и придёт читать сказку. Папа бреется в соседней комнате, и розетка там как раз напротив розетки в комнате девочки. Значит, можно попросту вытолкнуть вилку бритвы из папиной розетки, засунув что-нибудь тонкое и длинное в розетку в девочкиной комнате.

Я иду по ковру,
ты идёшь, пока врёшь...

Девочка в темноте шарит руками по столу: книжка, альбом, линейка, ручка, карандаш, ластик, кисточка... Кисточка! Конечно, кисточка! Девочка хватается её, быстро забирается на кровать и на ощупь пытается затолкнуть в отверстие в розетке. Не тут-то было! Тонкая деревянная ручка кисти вдруг разрастается до размеров столетнего дуба. И разве можно в крошечную лунку засунуть дерево? Нужно что-то другое, совсем-совсем тоненькое... Девочка в раздумье чешет в затылке: знает! Она знает, чем вытолкнуть эту противную вилку! Девочка на цыпочках крадёт в ванную, где на стеклянной полке всегда лежат мамини шпильки, которыми она закрепляет свой чудный каштановый шиньон. Девочкина мама — большая модница, а модница без шиньона — всё равно что грибок без шляпки. Странно, почему мамы нет, а шиньон дома?.. Девочка, конечно, его примерит, но завтра, а пока... она хватается металлическую шпильку и лёгкой тенью скользит в свою комнату. Бессовестная бритва по-прежнему жужжит назойливым шмелём. И девочка объявляет ей войну. Она заскакивает на кровать, левой рукой нащупывает дырку в розетке, а правой резко до упора толкает шпильку:

— Вот тебе!

Из стены вырывается страшный и красивый язык пламени. Такой язык девочка видела в мультике у Змея Горыныча, только там он был нарисованный. Яркая вспышка озаряет комнату, и на мгновенье всё видно как днём.

«Электричество!» — рывкает вдруг из розетки в самое девочкино ухо.

Нет, она не могла ослышаться и перепутать это рывканье ни с чем другим. И девочка навсегда запоминает это длинное опасное слово: ещё пригодится. Что-то грохает и обжигает ей пальцы, и в комнате пахнет так противно, что хочется зажать нос. Девочка и сама не поняла, как вдруг оказалась на своей подушке. И в квартире стало странно тихо.

— О, ёлки-палки! — ругается папа и зачем-то открывает входную дверь.

Только сейчас девочка заметила, что в доме нет света. На лестничной площадке что-то хлопает и щёлкает, и когда на пол в девочкиной комнате ложится тонкий светлый луч, просачивающийся из прихожей сквозь дверную щель, папа возвращается домой и деловито закрывает входную дверь на два замка. И через секунду бритва как ни в чём не бывало снова заводит свою нудную шмелиную песню. В этой огненной битве побеждает электробритва, и вечером сказки про Колобка не будет.

Я иду по ковру,
ты идёшь, пока врёшь,
он идёт, пока врёт...

А через неделю девочка с папой едут в деревню к бабушке. Весь день в душном воздухе носится что-то невидимое и тревожное, а к вечеру начинается гроза. Грозы часты в июле, но прыгнуть к ним невозможно. От страха девочка залазит папе куда-то под мышку, но вполглазка всё же поглядывает в грохочущее окно. В уголке беззвучно у зажжённой свечки молится бабушка, а папа бесстрашно, по-орлиному, смотрит на безудержный разгул стихии, и девочка уверена, что ещё секунда — и одним своим взглядом папа остановит это безумие. Из солнечного бабушкиного окна видно много неба и луг со столбами и аистами. Столбы держат туго натянутые провода и аистовые гнёзда. Столб — любимое место аиста. Эта большая красивая птица с длинным клювом и красными ногами селится высоко над землёй, и, если внимательней посмотреть на столб, в нём легко узнаешь печатную букву «А». «А» — значит «аист». И тот, кто думает, что столбы — для проводов, ошибается, потому что столбы — для аистов. Но сейчас в окне только резкие вспышки света и вода. Тяжёлыми струями рушится ливень на хрупкий бабушкин домик, и воды вокруг столько, сколько бывает её в океане,

когда пытаешься переплыть его на бумажном кораблике. Короткая вспышка молнии выхватывает из темноты маленькое слепое окошко и бледное девочкино лицо.

— Ерунда! — бодро улыбается папа. — Не бойся, это просто электричество. Всё будет хорошо!..

Серебристая ветка молнии вдруг низко качается над самым ближним столбом, и на нём распускается огненный цветок. За секунду облизав столб от вершины до основания, пламя перекидывается на провода и тонкими струйками бежит по их невидимым нитям. От страха девочка не может пошелохнуться. Ещё какое-то время на её глазах борются две стихии — огня и воды, потом вторая одолевает, и факел гаснет, и белосерое облако то ли пара, то ли дыма расплывается в стороны. Девочка смотрит на папу: его губы всё так же растянуты в улыбке, но мертвенный цвет лица и выражение глаз говорят о том, что эта застывшая улыбка осталась ещё от его бодрого «ерунда» и к настоящему моменту никакого отношения не имеет. Такое случается, когда уголки губ по рассеянности забывают опуститься, приняв исходное положение.

— Ерунда... — шепчут белые папины губы. — Я же говорю... ерунда... электричество...

А девочка гладит папу по голове и думает о том, что бабушкин домик выстоит и гроза и ливень сейчас стихнут, что её бедный маленький папа ничего не знает про электричество, но бояться не нужно, потому что девочка его спасёт, что всё будет хорошо и аисты по-прежнему будут гнездиться на высоких столбах, что все будут живы, и жить будут долго-долго, и увидят жизнь новую, светлую и чистую и новых прекрасных людей, и в мире больше никогда не будет войны, только надо любить и верить, и всем повезёт, а больше всех, конечно, девочке и папе, потому что завтра к ним наконец возвращается мама, и они снова будут счастливы, и самое главное — не перепутать: по полу — в тапках и без тапок — по ковру...

Я иду по ковру,
ты идёшь, пока врёшь,
он идёт, пока врёт,
мы идём, пока врём,
вы идёте, пока врёте,
они идут, пока врут...